

Круглый стол – Элиты Северного Кавказа: опыт польско-российского научного сотрудничества¹

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

политические элиты, лидерство, модернизация, Северный Кавказ, польская школа кавказоведения, ростовская элитологическая школа, Варшавский университет, Южный федеральный университет, научное сотрудничество, проекты

Круглый стол организован редакцией журнала «Гуманитарий Юга России» в связи с выходом двух фундаментальных коллективных монографий Т. Bodio (red.), *Kaukaz Północny: elity, reżimy, etnopolityka, bezpieczeństwo*, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2014 и Т. Bodio (red.), *Kaukaz Północny: elity władzy i życie polityczne*, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2014 по итогам выполнения польско-российского проекта. Он стал заметным явлением в кавказоведении и элитологии. В его реализации большая роль принадлежит Институту политических наук Варшавского университета и Институту социологии и регионоведения Южного федерального университета. Публикация монографий прошла накануне 100 летнего юбилея ЮФУ.

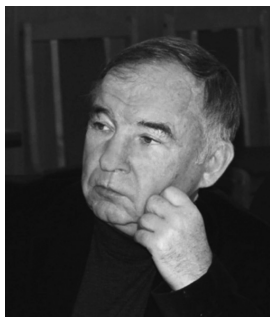
В заочной дискуссии по проблемам элитологии Кавказа и перспективам сотрудничества университетов Польши и Юга России приняли участие: профессора Тадеуш Бодио (руководитель проекта), Анджей Версбицкий, Яцек Залесный (Институт политических наук Варшавского университета), Анджей Ян Ходубский, Пшемислав Серадзан (Институт политологии Университета г. Гданьск), доцент Е.Ю. Баженова, профессора А.В. Лубский, В.В. Черноус (Институт социологии и регионоведения ЮФУ), профессор А.М. Старостин

¹ Текст *Круглый стол: элиты Северного Кавказа: опыт польско-российского сотрудничества* опубликован в „Гуманитарий Юга России” 2015, № 1 и № 2.

(Южно-российский институт управления РАНХ и ГС), профессор В.Х. Акаев (Комплексный научно-исследовательский институт РАН, г. Грозный).

Материалы круглого стола свидетельствуют о значительном, но пока недостаточно полном использовании конструктивного потенциала современного польско-российского сотрудничества в исследовании проблем Кавказа и Юга России.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ



Анатолий Владимирович Лубский

*Д. филос. н., проф. каф. теоретической социологии
и методологии региональных исследований Института
социологии и регионоведения ЮФУ*

Политическая элита в России является предметом исследования в различных научных дисциплинах. Однако эти дисциплины, ограниченные в своем методологическом репертуаре, дают одностороннее представление о российской политической элите. В связи с этим в рефлексующем методологическом сознании усилилась когнитивная потребность в холистском когнитивном «рванше», направленном на целостное изучение политической элиты в России. Решение проблемы преодоления односторонности дисциплинарных научно-исследовательских практик можно увязать с формированием взаимно пересекающихся полей мульти-, интер- и трансдисциплинарных исследований, где в изучении политической элиты происходит встреча различных научных дисциплин, между которыми возникают взаимные методологические влияния, наводятся мосты теоретического взаимодействия.

Одной из тенденций развития социальных и гуманитарных наук в постсоветской России было широкое распространение в них интеллектуально-когнитивных мод, связанных с представлением о том, что элитарная наука существует только на Западе и, следовательно, она должна быть объектом интеллектуального подражания. В результате многие российские ученые, изучая политическую элиту в России, стали механически использовать теории и понятийный аппарат западной академической науки, сложившиеся

в другой когнитивной среде и при изучении иных культурно-исторических реалий. При этом они не обращали внимание на то, что эти теории, основывающиеся на ином социокультурном и политическом опыте, «не всегда могут быть экстраполированы на другие страны». Некоторые из этих теорий, как отмечают сами зарубежные исследователи, «оказались не валидными при проверке в других национальных условиях». Не всегда учитывается и методологическое предостережение П. Фейерабенда, который отмечал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя «подогнать» под западноевропейский способ мышления». Разумеется, это не является поводом к индигенизации российской элитологии. Это не означает также, что теории и понятийный аппарат западной академической науки не могут быть использованы при изучении российской политической элиты, но такое использование предполагает предварительную социокультурную и эпистемологическую экспертизу их методологических возможностей.

Кроме того, элитогенез на Северном Кавказе имеет существенные отличия от общероссийского процесса, хотя и развивается в его русле, но учитывается это в российской элитологии недостаточно или упрощенно, абсолютизируя клановость местных обществ.

Концептуальный анализ современных научно-исследовательских практик позволяет выделить две доминирующие модели в изучении политических элит в России – классическую и неклассическую, представленных, соответственно, властным (структурно-функциональным) и меритократическим (нормативно-ценностным) подходами.

Классическая модель элитологических исследований базируется на принципах реализма и методологии, основу которой составляют «парадигма власти» и «парадигма интересов».

Представителей неклассической модели элитологических исследований волнует утрата в научном познании человека как социального субъекта, поэтому их интересует не элита как социальная группа, а непосредственно ее представители, не властные возможности элиты, а способности ее представителей выполнять властные функции и участвовать в принятии общезначимых решений.

Методологическая стратегия этой модели ориентирует исследователя на выделение элит в социальной иерархии общества на основе их особых способностей и эффективности деятельности, понимание их ценностных ориентаций и характера символического капитала власти, которым они обладают, а также их деятельности по созданию и распределению ценностей в обществе.

Необходимость преодоления методологических односторонностей в изучении российской политической элиты предполагает разработку многомерных методологических конструктов в рамках неоклассической модели элитологических исследований, основу которых составляет принцип конструктивного реализма.

Один из таких методологических конструктов, направленных на преодоление эвристической ограниченности структурно-функционального (властного) и ценностного (меритократического) подходов в изучении российской политической элиты предлагается в рамках интегративного субъектно-деятельностного подхода.

С позиций этого подхода признается примат деятельности элиты над социальными структурами, поэтому элита рассматривается в первую очередь как действующий субъект, обладающий ресурсами социального действия в виде различных форм капитала, ставит цели, владеет стратегиями их достижения и реализует себя в политической деятельности.

Определенные перспективы в изучении политических элит в России раскрывает «рефлексивный поворот», методологически ориентирующий исследователя на изучение трансформаций рефлексивности действующих субъектов, выступающих посредником между социальной структурой и социальной деятельностью, ведущей к переопределению социальных ситуаций и переупорядочиванию социальных отношений.

В ЧЕМ ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ КАВКАЗОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ



Анджей Ян Ходубски

*Профессор политических наук,
зав. каф. науки о цивилизации,
гл. ред. журнала «Цивилизация и политика»
(Университет г. Гданьск)*

Научное изучение каждого культурного и цивилизационного пространства нуждается в учете не только правил явлений и конкретных процессов, но также их различий. Северный Кавказ требует особого внимания из-за своей цивилизационной и культурной сложности. На невели-

ком, но географически разнообразном пространстве наблюдается огромное этническое, религиозное разнообразие, различные формы правления, обычаи и традиции. Данное пространство в классификации политической географии весьма освященногвано. Методология исследований, которая выражается в определению и объяснению культурных явлений и процессов, а также в их целостным восприятию, в философской рефлексии показывает малую ценность моделей разработанных в западноевропейском пространстве для изучения Северного Кавказа.

Об этом свидетельствуют: 1) различия в восприятии политической свободы. Различные этнические группы на Северном Кавказе высоко ценят политическую свободу. При этом, проявляют официальную маску «политкорректности». Они имеют острое чувство свободы, которое коренится в наследии прошлого. Навязываемые модели политической организации европейского пространства воспринимаются как «чужие». Локальность в политической жизни обладает необыкновенной силой. 2) Сильная связь между культурной жизнью и исламской религией. Ислам не является лишь дополнением к культурной жизни цивилизации, но играет роль ценности фундаментальной для формирования социально-политических отношений, подходов, моделей поведения, ценностей 3) В картине культурной жизни Северного Кавказа с большой силой проявляется привязанность к наследию прошлого; Процессы глобализации, в том числе типичные для них модели отношений, поведения, социально-политических устремлений воспринимаются как структуры, навязываемые сверху. Их вторжение генерирует конфликты. 4) Эндогенная (внутренняя) реальность отдельных политических образований (республик) показывает приоритет над экзогенным порядком (внешние отношения, международная реальность). Международный порядок как культурное пространство играет маргинальную роль. 5) В данной культурной реальности, кроме давних традиций, обычаев, привычек, важное значение имеют также глубокие этнические противоречия. В ситуации современных глобальных изменений (так называемой политической трансформации), население Кавказа не одобряет изменений в функционировании традиционных структур. Рассматривая пространство Кавказа с точки зрения методологии, необходимо воспринимать его с учётом мифов и стереотипов, которые играют важную роль в его культурной и цивилизационной жизни.

Методологической задачей кавказоведческих исследований является необходимость правильного восприятия социально-политической реальности после революционных перемен, которые происходили с 1917 года. В этих процессах большую роль играют феномены социальной и политической психологии.

В сравнительных исследованиях, однако, проявляется необходимость относить общественно-политическую реальность, например, в сфере управления, к политическим моделям в различных частях мира.

Кавказоведческие исследования с точки зрения методологии требуют: 1) восприятия культурных явлений в долгосрочной перспективе, 2) ориентации на исследование «мягкой» культурной реальности, в том числе политической культуры, общественного сознания, системы ценностей, 3) Восприятия явлений и процессов с точки зрения качественного подхода, например в рамках тематических исследований.

НАСКОЛЬКО ЗАПАДНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ АДЕКВАТНА СОВРЕМЕННЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ НА КАВКАЗЕ?



Тадеуш Бодио

*Профессор Варшавского университета,
зав. каф. Восточных Исследований,
председ. науч. сов. журнала «Новая восточная
политика»*

Это фундаментальный вопрос, которому в течение многих лет я уделяю много внимания, что нашло отражение в публикациях. Отмечу только, что 2009–2010 годы я совместно с коллегами осуществлял исследовательский проект, результаты которого были представлены в книге *Лидерство, элита и трансформации в странах СНГ. Проблемы методологии исследования* (Варшава 2010, 569 стр.) Данная работа представляет сильные и слабые стороны методологии исследования элит и поднимает вопрос адекватности методологии разработанной на Западе для исследования модели лидерства и элит на постсоветском пространстве, в том числе на Кавказе. Сильные стороны данной методологии являются очевидными, поэтому из-за ограниченного времени основное внимание будет уделено нескольким причинам ее слабости.

Во-первых, эта методология, особенно во время 90-х годов XX-го века, чревата европоцентризмом и связанной с ним парадигмой «трансформации-

демократии», которая заранее предполагая окончательный результат политических перемен. Неудачные попытки некритического подражания западным образцам на постсоветском пространстве негативно верифицировали познавательную ценность некоторых политологических концепций. Эта ситуация для многих российских ученых стала причиной, по которой стали скептически относиться к западной политологии, в частности, ее предсказательным возможностям в области исследования лидерства и политических элит. Этот скептицизм явно возрос после волны т.н. «цветных революций», концепции которых были построены на хрупком основании, без хорошей диагностики реалий, механизмов власти, политической психологии, и т.д.

Во-вторых, европоцентризм иногда переплетался с политической прагматикой, попытками коммерциализации науки и деятельности псевдонаучных центров, проводящих исследования по политическому заказу. Хотя не стоит переоценивать такие маргинальные ситуации, однако, они оказали влияние на предпочтения в области исследовании моделей лидерства и политических элит.

В-третьих, слабостью методологии в течение многих лет была недооценка специфики Кавказа, этнополитических реалий и особенностей, исторических традиций, политической психологии и т.д. Специфика Кавказа: следует различать «маски от лица», дистанцироваться от стереотипов и предрассудков, проникнуть в реалии жизни, в том числе и скрытые под поверхностью повседневной политики.

В-четвертых, надо учитывать, что многие теории и методологические концепции, в том числе терминологический аппарат, которые касаются элит, были построены в других исторических условиях и для определенной цели, не все из них характеризуются универсальностью. В литературе можно встретить попытки использования этих теорий и концепций в изучении элит Кавказа, а затем они подвергаются критике – это недоразумение.

Формулируя оценку западной методологии стоит отметить ее мобильность и открытость к критической проверке ряда подходов к изучению политической элиты. Это было видно в первом десятилетии XXI-го века, когда были отброшены или изменены многие концепции трансформации. Произошло переосмысление некоторых парадигм, появились новые научные подходы, указывающие, что трансформация может приводить к авторитаризму, а демократия может проявляться в различных формах и пределах.

Стоит также отметить, что названные недостатки методологии являются вызовом также для российских исследователей, многие из которых используют теоретический и методологический потенциал западной политологии в изучении элит Кавказа и не только. Здесь следует сделать вывод, что некоторые российские методологические концепции изучения политической

элиты также не являются свободными от ограничений, как по мериторичным, так и другим причинам. В свою очередь, оптимистически выглядит факт чрезвычайно динамичного развития элитологии, разных направлений и методологических ориентаций, что, в частности, показал первый Всероссийский элитологический конгресс с октября 2013 года, и второй Форум историков-кавказоведов, на котором был принят этический кодекс, который в своих установках выступает против фальсификации истории Кавказа, манипуляционных технологий, а также призывает к надёжности и достоверности научных исследований.

Я хотел бы подчеркнуть, что группа учёных кафедры восточных исследований Института политических наук Варшавского университета, которой я руковожу, уже в начальной стадии трансформации определила выше указанные и другие недостатки элитологической методологии и последовательно стремится к их устранению, о чём свидетельствуют публикации касающиеся, в частности, элит в странах Центральной Азии. Мы представляем мнение, что в процессе улучшения методики исследований элит Кавказа важную роль играет директива трансгрессии. Данная директива указывает необходимость выйти за рамки традиционных, общепринятых схем, критически воспринимать собственные концептуальные достижения, проявлять открытость к новым парадигмам и искать новые методологические конструкции проектирования и объяснения специфики элиты Кавказа.

Достижению данной цели способствует научное сотрудничество, своего рода диалог, который позволяет смотреть «извне» и «изнутри» на кавказские элиты – именно это, что мы делаем совместно с представителями Ростовской элитологической школы, а также учеными из региональных научных центров. Такой подход, диалог с нашими партнерами, которые лучше всех понимают Кавказ и его специфику и у которых есть достижения и исследования на мировом уровне, даёт шанс преодолеть многие исследовательские стереотипы и разработать адекватную методологию. Результаты этого процесса уже очевидны. Примером здесь является коллективная монография *Северный Кавказ: элиты, режимы, этнополитика, безопасность* (Варшава 2014, 365 стр.), содержащая главу, посвященную исключительно методологии исследования кавказских элит.

Заключая, я хотел бы подчеркнуть, что последнее десятилетия трансформации создают хорошие условия для критического обзора существующей теоретической и методической базы исследования элит Кавказа и предприятия попытки создать концептуальный и методологический синтез существующих исследований. Такой синтез может принести много новых идей, тем и вдохновения для разработки новых парадигм, подходов и методов иссле-

дования трансформации политической элиты. Это один из важных вызовов для политологов и социологов.



Пшемыслав Серадзан

*Кандидат политических наук,
Институт Политологии Университета г. Гданьск,*

Подход к исследованию современных политических процессов на Кавказе, который доминирует в научном сообществе стран Запада, имеет, на мой взгляд, как свои сильные стороны, так и недостатки.

Общественные науки далеко не однородны. На кафедрах западноевропейских и американских университетов постоянно сталкиваются различные, разнообразные подходы, методы и доктрины.

Среди различных методологических течений я хотел бы привести примеры двух, которые, на мой взгляд, представляют собой ценность для исследователя Кавказа.

С 30-х годов в англосаксонской науке развивается интересное направление – политическая антропология, истоки которой связаны с работами британского этнолога и антрополога Эдварда Эванс-Притчарда. Политические антропологи в первых послевоенных десятилетиях исследовали родственные и племенные связи, пытаясь ответить на вопрос о происхождении социального феномена, которым является политическая власть. С 80-х годов важной темой рассуждений являются этническая идентичность и взаимные отношения между этническим фактором и возникновением политического национализма. Важную роль сыграли здесь фундаментальные труды Бенедикта Андерсона, посвященные нациям, воспринимаемым как «воображаемые сообщества». Данный подход, как кажется, можно успешно использовать, изучая современные политические процессы на северном Кавказе, как например возрождение черкесского, чеченского и ингушского национализмов.

Среди западных теоретиков, учение которых можно адаптировать для изучения современного Кавказа я хотел бы назвать имя Иммануила Валлерстайна, основоположника «мир-системного анализа», созданной под влиянием французского историка Фернана Броделя. Данный подход исследует социальную эволюцию систем обществ, воспринимая их холистски, как взаимно связанную структуру. Этот подход является, как кажется, правильным, в исследовании цивилизационного пространства Кавказа, которое с одной

стороны имеет свой уникальный характер, но с другой находится между Европой, Центральной Азией и Ближним Востоком и исторически находился во власти различных великих держав: Османской империи, Персии и России.

Конечно, сообщество учёных не монолитно, и было бы неправильно рассматривать их как однородную группу. Однако, анализ доминирующих трендов в исследованиях Кавказа (и в более широком смысле – всего постсоветского пространства), позволяет заметить некоторые недостатки, которые совершает часть ученых.

В восприятии Кавказа существует огромное количество предрассудков, стереотипов и неправильных представлений, которые Эдвард Саид, выдающийся теоретик постколониальных исследований, описывал как «ориентализм». На мой взгляд, это глубоко неправильный подход.

Проблемой является отсутствие четкой границы между наукой и журналистикой. В результате, исследования политических элит – иногда принимают форму идеологических манифестов (т.н. Think Tank, связаны с политическими партиями). К сожалению, некоторые ученые некритически ссылаются на такие материалы.

Я не хочу обобщать, потому что любое обобщение несправедливо и выражает лишь часть истины. Среди западных ученых есть замечательные исследователи, создающих вдохновляющие работы, также для изучения Кавказа.

Заклучая, на мой взгляд исследователь современных политических процессов Кавказа должен следить за развитием методологии западной политологии и этнологии. Данные методы стоит использовать, также для изучения региона, но стоит это делать внимательно, имея в виду факт, что они были созданы в другом культурном пространстве.



Яцек Залесны

*Доктор Института политических наук
Варшавского университета.*

В англоязычной литературе сложно было бы назвать новаторские, глубокие публикации, касающиеся процессов, происходящих на Кавказе, что также связано со спорным характером политических решений западноевропейских государств относительно

Кавказа. Данное фактическое положение вещей тесно связано со слабостью западноевропейских методологий исследования процессов, существующих на Кавказе. Можно утверждать, что результатом применения упрощенной методологии, непонимания сложности локальных условий, являются выводы, неадекватные кавказской реальности, и в связи с этим – малопригодные.

ЧЕМ ИНТЕРЕСНА ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА И ЭЛИТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ? МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О ПОЛЬСКОЙ ШКОЛЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ?

Тадеуш Бодио

Вопросы лидерства и элит в России и ее регионах в Институте политических наук исследуются и преподаются с 90-х годов XX-го века. Исследования в данной области стали темой многих публикаций. В 2010 году была создана редакционная серия «Власть – элиты – лидерство», в рамках которого вышли в свет 10 томов, представляющих различные аспекты трансформации лидерства и политических элит на постсоветском пространстве, в том числе в России и её регионах.

Исследования лидерства и элит являются частью дебатов по поводу логики российской трансформации, ее специфики и уникальности. Мы предполагаем, что одним из центральных звеньев трансформации в постсоветском пространстве являются элиты власти и их лидеры. Именно эти элиты после распада Советского Союза принимали решения о модели трансформации, и в последующие годы, в зависимости от политической конъюнктуры – о их корректировке. Этот факт в значительной степени определил характер трансформации.

Исследования показывают, что звеном трансформации, которое провоцировало конфликты, была и остается модель управления, несмотря на то, что она в постоянных изменениях, как на федеральном, так и региональном уровнях, а также отношения центра и национальных республик. Уникальным случаем является здесь Северный Кавказ, где традиция переплетается с современностью, этнополитика с этнократией и существуют специфические правила социальной стратификации, где сосуществуют различные конфессии, психологические профили этнических групп, элитаризм и эгали-

таризм, унификационные и сепаратистские тенденции, различные региональные и геополитические интересы. В результате, на Кавказе фокусируются системные проблемы федеративного государства, в том числе те, которые связаны с функционированием политических элит. Таким образом, я считаю, что изучение региональных режимов и элит является чрезвычайно важной задачей.

Существует ли польская школа кавказоведения? Я честно скажу, что мне сложно ответить на этот вопрос. Уважение к науке требует, чтобы быть скромным в таких высказываниях. Тем более, что понятие «научная школа» не является точным, как и стандарты и их верификация. Дело в том, что польские традиции исследований Кавказа имеют свои корни в далеком прошлом. Многие из опубликованных тогда работ имели новаторский характер, высоко ценились в России и Западной Европе. Сегодня Кавказ продолжает занимать значительное место в исследованиях научных учреждений, в том числе политологических. Качество этих исследований, хотя они разбросаны в различных научных центрах, ведёт меня к мысли, что такая школа существует и приносит оригинальный вклад в глобальные исследования региона. Примером могут служить работы проф. Анджея Ходубского и других исследователей Кавказа. С другой стороны стоит отметить, что в Польше уже на протяжении многих лет постоянно реформируется высшее образование. И именно в этих реформах, которые имеют в значительной степени бюрократический характер, где-то по пути исчезают традиции «научных школ» и лучших практик в общественных, гуманитарных и других науках.

Анджей Ян Ходубски

Как в широком, так в узком смысле, в Польше проявляется интерес к прошлому и настоящему Кавказа. Первые звенья этих интересов были связаны с культурными и цивилизационными различиями региона, на которые обратили внимание польские монахи, среди них иезуит Тадеуш Крушинский, который, в 1734 году описал Кавказ – тогда часть Персидской империи. В девятнадцатом веке в данном регионе в царской армии служили несколько тысяч поляков. Некоторые из них проявили познавательную заинтересованность географией, историей, культурой и социальными отношениями. Сохранилось около 50 дневников и мемуаров, которые стали основой кавказоведческих исследований.

Огромное богатство знаний о регионе характеризует работы следующих исследователей: Михала Бутовт-Анджейковича, Винченца Давида, Леона Гершевского, Матеуша Гралевского, Карола Калиновского, Казимиежа Лепчинского, Эдварда Махчинского, Юлиуша Струтинского, Владислава Стжелницкого, Флориана Зелинского.

В начале XX-го века, знание региона расширилось благодаря нескольким инженерам, работавшим на Кавказе. Среди них стоит назвать имя Тадеуша Выгановского, который в 1907 году опубликовал воспоминания о Кавказе.

Другое звено кавказоведческих исследований в Польше создавали востоковеды и историки, среди них Ананиаш Зайончковский, Ян Рейхман, Богдан Барановский, а также Анджей Ходубски, Марек Мондзик, Мария Закжевска-Дубасова. В дополнение к строго кавказоведческим исследованиям, большое внимание было уделено некоторым конкретным вопросам, которые включали литературу, архитектуру, геологию, картографию, машиностроение, путешествия, искусствоведение, научные связи, этнические проблемы.

Очередные звенья кавказоведческих исследований наблюдается с 90-х годов XX-го века. В данном контексте следует отметить работы Анджея Фуриера, Войцеха Матерского, Петра Квяткевича и очень значительной вклад исследований под руководством профессора Тадеуша Бодио, которые выражались в инициировании изучения Кавказа в рамках концептуальной структуры политологии. Существенность данных исследований заключалась в расширении аналитического исследования на пространство Северного Кавказа. Ранее польские исследователи занимались в основном Азербайджаном, Дагестаном, Грузией и Арменией.

Говоря о польской школе исследований, надо отметить кавказоведческие познавательные интересы, существующие в нескольких научных центрах, особенно в университетах в Варшаве, Лодзи, Гданьске, Люблине, Кракове, Щецине и Познани. В этих центрах, кроме профессоров, изучающих культурно-цивилизационные проблемы, работают также молодые исследователи и преподаватели, которые готовят как докторские и кандидатские диссертации, так и дипломные работы (на уровне бакалавра и магистра). Результаты исследований публикуются в самостоятельных изданиях и коллективных работах (таких, как последнее издания под редакцией Тадеуша Бодио) и в специализированных журналах, в том числе печатаных издательством «Адам Маршалек» в Торуня.

Можно привести следующие аргументы в пользу существования польской кавказоведческой школы: 1) С XVIII-го века расширяется круг людей, изучающих культурно-цивилизационную реальность Кавказа. В последние годы можно заметить новую ориентацию исследования региона в рамках процессов унификации и диверсификации в мире; 2) Существует значитель-

ный круг ученых, как профессоров, так и молодых исследователей, которые изучают вопросы кавказоведения; 3) Польские исследователи поддерживают организационные и научные контакты с университетами на Кавказе, в том числе университетами в Ростове-на-Дону, Тбилиси, Ереване, Махачкале; 4) Систематически расширяются научно-исследовательские достижения и одновременно издаются работы, которые показывают специфику Кавказа; 5) В последние годы существенное место занимают политологические исследования, в том числе касающиеся идентичности, политического лидерства, политических систем, политической культуры, конституционной системы, этнических вопросов, а также социально-политической диверсификации и унификации.

Яцек Залесны

Республики Северного Кавказа являются субъектами с непростой историей, сложной культурной, этнической, религиозной структурой, что играет немаловажную роль в проблематике стабильности региона. Все еще имеют вес различные элементы советского наследия. С вышеперечисленными факторами связан ключевой вопрос: каким является политическое лидерство в регионе? Каким образом достигается политическая стабильность? Каким должно быть политическое руководство для полиморфных структур, чтобы оно нивелировало напряжение, в то же время, генерировало формы сотрудничества? Возможно ли вообще такое лидерство? Вторая группа вопросов, касающихся Северного Кавказа, относится к связям, существующим между многоэтничностью, структурой политических элит и политического руководства. Как этнические разделы накладываются на другие социополитические деления? Можно ли говорить о доминировании каких-либо из них? И, наконец, фундаментальный для каждого федерального государства вопрос: как представлены отношения между центральной и региональной властью? Гарантирует ли сформированная система зависимостей сохранение интегрального характера государства, с одновременным уважением к культурной, этнической, религиозной и экономической идентификации отдельных регионов, или же генерирует напряжение, а если так, то, что оно приносят в последствии? Как видно, в кавказской тематике сконцентрированы ключевые для всех политических обществ проблемы.

Несомненно, можно говорить о феномене польской школы исследований проблематики Южного и Северного Кавказа, основанной и руководимой профессором Тадеушем Бодио. В рамках Института политических наук

Варшавского университета с участием научных работников извне, профессору Тадеушу Бодио удалось создать коллектив исследователей, уникальный в мировом масштабе. Данная работа касается не отдельных кавказских вопросов, это многослойные исследования со всесторонне разработанной методологией, распределенные во времени. Осуществляемые исследования касаются всех ключевых плоскостей кавказской проблематики: антропологической, исторической, этнополитической, социополитической и институциональной. Характерной чертой группы профессора Тадеуша Бодио, отличающей ее от других научных коллективов, является именно комплексность, многогранность подхода. Коллектив из нескольких десятков ученых различной профессиональной специализации генерирует новое позитивное свойство, уникальное в мировом масштабе.

ЧТО ВЫСТУПАЕТ В КАЧЕСТВЕ БАРЬЕРОВ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕСПУБЛИК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗОМ?



Анджей Вежбицки

*Профессор каф. восточных исследований
Институт политических наук
Варшавского университета
гл. ред. журнала «Восточная политика»*

Северный Кавказ отличается уровнем социально-экономического развития от других частей российского государства. Однако необоснованным было бы утверждать, что центр России развивается ценой периферии, поскольку относительно субъектов РФ в составе Северо-Кавказского, а также Южного федерального округов ситуация весьма противоположная. Это своеобразный «внутренний колониализм», отличающийся от концепции его автора – Михала Хехтера тем, что данные периферийные субъекты финансируются центром, а не наоборот. Финансирование республик Северного Кавказа ценой других частей России способствует растущему недовольству не только националистов, но и других групп населения. Тем более, что между русскими и жителями Северного Кавказа пока ещё существует барьер взаим-

ного восприятия, основой которого являются стереотипы. С одной стороны, для некоторых русских жителей Кавказа это «лица кавказской национальности». Данное определение имеет отрицательный смысл. Оно появилось как результат многих факторов, таких как война в Чечне, террористические атаки в российских городах или повседневное поведение выходцев из региона, родилось в сводках МВД.

С другой стороны, особого внимания заслуживает восприятие русских жителями Кавказа, которое очень редко учитывается в общественном мнении, даже в научных трудах, особенно вне России. Русские не принадлежат к традиционной для Кавказа родо-клановой системе и поэтому их воспринимают чужими и временными («статистами»), а Россия является для них зоной криминальной «экспансии», свободной от традиционных норм и запретов, существующих в национальных республиках. Отсюда следует, что к «чужим» можно относиться любым образом (убить, поработить, обмануть, ограбить), если этого требует родо-племенной интерес. Умелое использование коррупции других регионах России подрывает авторитет правосудия в российском обществе и увеличивает впечатление о тесной связи «продажных» элит власти с организованной преступностью. Таким образом, все это способствует росту кавказофобии и русофобии, взаимной неприязни. Из-за этнокультурных причин сохраняется цивилизационное расстояние между Северным Кавказом и Россией. Указанные проблемы конечно препятствуют сплочённости российского народа и формированию гражданской, общероссийской нации. С этнополитической перспективы регион является самым главным и сложным вызовом для российского государства, но он имеет стратегическое значение с геополитической перспективы. Стремление к удержанию региона в составе федерации заставляет Россию предпринимать модернизационные инициативы, что вызывает недовольство жителей других регионов страны. Поэтому обстоятельства заставляют Россию «балансировать» между геополитикой и этнополитической стабилизацией в стране.

Пиемыслав Серадзан

Модернизация Кавказа – вопрос сложный и многомерный. В настоящее время перед Кавказом стоит множество цивилизационных вызовов, связанных именно с выбором пути модернизации. Распад Союза Советских Социалистических Республик был равнозначен отказу от стратегии социалистической модернизации, которая имела свои недостатки, но принесла

цивилизационный прогресс народам Кавказа. Период 90-х годов принес Северному Кавказу процесс деиндустриализации, который сопровождался возрождением традиционных общественных структур и мировоззрения. Некоторые кавказоведы стали тогда утверждать, что отказ от модернизации был следствием ретрадиционализации в сфере культуры.

Я убежден, что противопоставление традиции и модернизации является фундаментальной ошибкой многих исследователей. Данные ценности не исключаются и не являются противоположными. На мой взгляд, процессы деиндустриализации и падения уровня жизни среди населения Кавказа, которые имели столь трагические последствия, были результатом неправильной экономической политики – неолиберальных реформ 90-х годов, проводимых центральным правительством Российской Федерации.

Самое понятие «модернизации» является неточным и требует разъяснения. Увы, данный термин часто становится жертвой злоупотребления в идеологически мотивированной публицистике.

Среди авторов распространено восприятие кавказских традиций и социальных моделей жизни как «барьер модернизации», в то время как термин «модернизация» автоматически отождествляется со стремлением к философским, аксиологическим и социально-экономическим моделям, доминирующим на Западе. Богатство кавказской культуры несправедливо воспринимается лишь как бремя и ненужный балласт. Подобного рода презрительное отношение к культурным особенностям, часто приводит к демонизации Кавказа, который нечестно и несправедливо воспринимается как культурное пространство жестокости, коррупции и кумовства, а также потенциальный очаг глобальной нестабильности.

Неправильное восприятие политических процессов на Кавказе имеет свое начало в доминировании мировоззрения, которое подразумевает пренебрежение к культурным и цивилизационным особенностям.

Я уверен, что северокавказская модернизация должна учитывать культурные и цивилизационные особенности региона. Невозможно просто скопировать пути развития, которые прошли другие современные государства и общества. Народы Кавказа должны найти свой, уникальный путь развития, учитывающий их ценности и коллективную психологию.

В ЧЕМ СВОЕОБРАЗИЕ И ЗНАЧЕНИЕ РОСТОВСКОЙ ШКОЛЫ ЭЛИТОЛОГИИ?



Александр Михайлович Старостин

*Д.полит.н., профессор, зав. каф. философии
Южно-российского института управления РАНХ и ГС*

Ростовская научная школа элитологии функционирует 20 лет. Под руководством профессоров А.В. Понеделкова и А.М. Старостина при тесном сотрудничестве с профессором С.А. Кислицыным, В.В. Черноусом и Л.Г. Швец. В ее рамках защищено порядка 25 диссертаций, опубликовано более 500 научных работ. В 2013 г. на базе этой школы проведен I Российский элитологический конгресс с публикацией 3-х томов его трудов, выпущен в сотрудничестве с проф. П.Л. Карабущенко «Элитологический словарь».

Научная школа специализируется на изучении региональных административно-политических элит Юга России. В рамках школы репрезентированы основные уровни элитологических исследований: философско-методологический, доктринальный, эмпирический.

В качестве эмпирической и доказательной базы выступают материалы более 10 панельных прикладных социологических исследований, проведенных в 1995–2014 г. На доктринальном уровне сформулирована элитологическая парадигма в политологии, апробирована концепция протоэлитных сообществ, разработана концепция антиэлит и контрэлит в политических процессах (проф. С.А. Кислицын), проработан гендерный аспект анализа элит (проф. Л.Г. Швец).

На философско-методологическом уровне сформирована концепция цивилизационного своеобразия элит и элитного властного поведения, основные принципы элитологического подхода.

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА НА ЭЛИТОГЕНЕЗ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ



Вахит Хумидович Акаев

*Д. филос. н., профессор,
гл. н. с. КНИИ РАН*

Формирование элит на Северном Кавказе в постсоветский период имеет свои особенности, сопряженные с целым рядом факторов объективного сколько сугубо субъективного характера. Дезинтеграционные процессы, запущенные накануне распада, а затем и после распада СССР, усилили сепаратистские настроения на всем постсоветском пространстве, в том числе в Российской Федерации. Свои особенности они имели в Поволжье и на Северном Кавказе.

Партийно-политическая элита на Северном Кавказе поддерживалась традиционным мусульманским духовенством, которое в свою очередь формировалось при ее поддержке, что проявилось в первой фазе чеченского кризиса.

В период существования режима А. Масхадова на руководящие должности в Чечне назначались претенденты, соответствовавшие следующим критериям: совершение намаза, участие в военных действиях против России, положительная оценка односельчан, профессионализм. Как видно, в подборе кадров религиозность ставилась на первое место, а профессионализм на последнее. Поэтому политическая элита, формировавшаяся в Чечне после первой войны, в основном состояла из полевых командиров и так называемых ваххабитов, редко из остатков советско-партийной номенклатуры.

В Чечне в конечном итоге союз полевых командиров во главе с Ш. Басаевым и религиозных эстремистов формируется на основе идеологии и практики ваххабизма, чему способствовали сепаратисты Ш. Басаев, З. Яндарбиев, Хаттаб, М. Удугов, И. Халимов и др. В начале 1999 года под их влиянием Президент Ичкерии А. Масхадов совершает антиконституционное действие: вводит шариатское правление (Шура) в Чечне, руководителем которого он назначил самого себя. На это Ш. Басаев отреагировал: слава Аллаху, А. Масхадов стал мусульманином, теперь он не президент Ичкерии. Он также объявил о создании Шуры, во главе которой объявил себя. Эти игры с Шурой, властью, являлись уступкой ваххибизму, что серьезно

ослабило позицию А. Масхадова. Басаев и компания ставили задачу его свержения.

Но провокационный поход ваххабитов в горный Дагестан во главе Б. Кебедовым, Ш. Басаевым и Хаттабом, начавшаяся очередная война, изменили внутривластную ситуацию не только в Чечне, но и в Дагестане. В Дагестане были разгромлены ваххабитские анклав в кадарской зоне, а в Чечне началась вторая война, свергнувшая новое теократическое устройство, созданное Масхадовым под давлением ваххабитов. Разгром боевиков и ваххабитов в Дагестане и Чечне способствовали дерадикализации религиозно-политической ситуации и активизации традиционного ислама, отстаиваемый А.А. Кадыровым, которой на протяжении всей своей деятельности в качестве муфтия боролся против укрепления ваххабитов, называемых им экстремистами и врагами традиционных культурных ценностей чеченцев.

С точки зрения ваххабитов, руководителями всех уровней на Северном Кавказе, который они стремились превратить в исламское государство, должны были быть их сторонники. Для этих целей в Дагестане, Гудермесе, Грозном открывались религиозные школы, готовившие шариатских судей. Подготовленные на скорую руку, они в Чечне, по крайней мере, начиная с 1996-1999 годы, осуществляли судопроизводство на основе шариата. Эта религиозно-политическая элита в Чечне в ходе и после второй войны, прекратила свое существование. Некоторые из них погибли, другие эмигрировали в зарубежье, третьи при А.А. Кадырове были реабилитированы и инкорпорированы во властные структуры.

В период управления А.А. Кадыровым Чеченской Республикой значительно повысилась роль традиционного ислама во внутренней политике. Официальное духовенство поддерживало его политику, осуждала экстремистскую и террористическую деятельность религиозных радикалов, призывая мусульман республики оказывать им противодействие. Аналогично ситуация развивалась в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее.

Религиозные радикалисты и экстремисты, преследуя цель «очищения» регионального ислама от заблуждений, замены его «чистым» исламом (практикой и идеологией салафизма), создания «кавказского халифата», совершали противоправные, антигосударственные деяния, и нередко вступали на путь совершения террористических актов. Это хорошо просматривается в Дагестане, Чечне, Ингушетии в 90-е начале 2000-х годов, в Кабардино-Балкарии в 2005 году.

Нетрадиционные для Северного Кавказа исламские течения, представленные ваххабизмом, формировали своих религиозных лидеров вооружен-

ных группировок, преследующих цель не мирного развития, а конфронтации с традиционным духовенством и региональной политической элитой, что представляли собой угрозу для общества и власти.

Иногда в 90-е годы религиозным экстремистов на Северном Кавказе удавалось вмешиваться в расстановку религиозных кадров. Например, в Чечне в период правления А. Масхадова удалось минимизировать участие в социальной, политической жизни Чечни представителей традиционного ислама, его роль была сведена только к обрядовой практике. Активно против этого выступал муфтий Ичкерии А.А. Кадыров, хорошо понимавший, исходящую от них угрозу обществу и государству.

Описанные выше процессы, свидетельствуют, что влияние исламского фактора в региональном элитогенезе не является главным критерием, но при этом играет несущественную роль. Процесс элитогенеза на Северном Кавказе, с нашей точки зрения, находится в прямой зависимости от интересов федерального центра и определяется его политикой в регионе.

Анджей Вежбицки

В регионе продолжается процесс «исламского возрождения», называемый политизацией ислама. С перспективы элитогенеза можно рассматривать два процесса. Первый, основанный на сотрудничестве, это попытка контролируемого властями включения ислама в государствообразующий процесс, предпринятая в Чечне Рамзаном Кадыровым. Второй это попытка проникновения в структуры власти представителей радикального ислама, «выходцев» из джамаатов, т.е. альтернативных по отношению к легальной власти сообществ, что происходит прежде всего в Дагестане. Чеченский опыт пока способствует обеспечению стабилизации в республике, но на сколько он окажется стабильным в будущем, трудно прогнозировать.

КАКИЕ ТИПЫ ЛИДЕРСТВА СФОРМИРОВАЛИСЬ НА КАВКАЗЕ?

А.М. Старостин

В исследованиях ростовской элитологической школы репрезентирована тенденция инверсионного развития постсоветских административно-политических элит. Она проявляется как в институциональных, так и в поведенческих характеристиках элит, связанных с явно проявляющимся процессом традиционализации российского социума при наличии декоративных черт демократии, которые, однако весьма поверхностны и имитационны.

Процессы традиционализации и восстановления базовых характеристик традиционного общества (иерархия во властных отношениях; чрезмерный рост теневых экономических и бартерных отношений; религия и церковь как несущие ценностно-духовные институты и система ценностей; обычное право как нормативно-регулятивная база; кланово-родовые и земляческие отношения как основа социальных отношений и др.) продуцируют прежде всего в кавказских сообществах соответствующие лидерские типы и черты поведения: авторитаризм; опора на кланово-семейные и земляческие отношения; преобладание силовых методов в решении конфликтных ситуаций; культ физической силы, жесткости и жестокости; узкий круг преобладающих политических и экономических интересов (клановое местничество), ориентация на иерархию в политических и социальных отношениях. Соответственно такого типа лидерство референтно – находит понимание и поддержку в основной массе общества. Средний слой, интеллигенция к этому относятся достаточно критично. Но они составляют меньшинство этого социума.

РЕГИОНАЛЬНАЯ БИЗНЕС-ЭЛИТА И ВЛАСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: СРАЩИВАНИЕ, КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ КОНФЛИКТ?



Елена Юрьевна Баженова

*Кандидат эк.н., доцент каф.
Института социологии и регионоведения ЮФУ*

Отношения бизнеса и власти в истории России всегда складывались не просто. Политическая, государственная власть обеспечивает доступ к ресурсам, а вот власть бизнеса, более примитивно – власть прибыли, денег, находит способ трансформации этих ресурсов в эту самую прибыль. И одна, и другая власть – это мощнейшие силы, которые, если притягиваются друг к другу, то образуют колоссальную по мощи, но трудно контролируруемую извне, со стороны, например, социума симбиотическую систему.

В рамках теории, разрабатываемой Г.Б. Клейнером, социально-экономические системы рассматриваются как «ключевые действующие лица в экономическом пространстве-времени», а функционирование общества рассматривается как цепочка взаимодействий «государство – социум, экономика, бизнес». Не вдаваясь в подробности этой довольно мощной современной экономической теории, отмечу, что Г.Б. Клейнер впервые в отечественной экономической науке разделяет бизнес и экономику (или хозяйство) на два самостоятельных нетождественных, но равнозначных (наряду с социумом и государством) макросубъекта российского общества. Согласно данному подходу, государство в социально-экономической жизни представляет организующее начало, а бизнес – активизирующее.

Обратимся теперь непосредственно к вопросу современного взаимодействия региональной бизнес-элиты и власти на Северном Кавказе. Для начала определимся с терминами. Термином «бизнес-элита» обычно обозначают некоторые сообщества людей: а) владеющих успешным бизнесом, который приносит стабильный высокий доход его собственникам, и б) влияет на социально-экономическую и политическую ситуацию в обществе, в данном конкретном случае – республиках Северного Кавказа.

Традиционно принято считать, что наиболее распространёнными в сложившейся практике направлениями взаимодействия между бизнесом и властью на Северном Кавказе являются: 1) непосредственная представлен-

ность бизнеса во власти; 2) поддержка отраслей региона со стороны власти; 3) борьба с коррупцией; 4) коррупция как особая форма взаимодействий. Однако в жизни не всё так однозначно.

С началом нулевых годов, государственная власть в России установила «правила совместного общежития» власти и бизнеса, которые определялись следующими принципами:

- лояльность бизнес-элит по отношению к государству;
- финансирование экономических, социальных и политических начинаний власти;
- исключение влияния любых конфликтов внутри бизнес-элиты или с её участием на экономику России;
- бизнес-элита должна принимать на себя ответственность за отрасли и регионы, где является доминирующей.

В рамках реализации таких «правил совместного общежития» на Северном Кавказе в этот период проходят назначения на посты президентов республик крупнейших бизнесменов и олигархов – Арсена Канокова в Кабардино-Балкарии и Хазрета Совмена в Адыгее. Следует отметить, что реализация ожиданий власти от бизнес-элит в форме наделения её представителей непосредственной исполнительной властью дала не вполне адекватный результат. Другой формой реализации установленных принципов участия бизнес-элиты в экономическом развитии республик явился призыв к непосредственному инвестированию в проекты на территории своих республик.

Сегодня в экономической сфере республик Северного Кавказа формируются две модели реализации потенциала бизнес-элиты в инвестиционном развитии республик: модель с упором на сложившиеся неформальные практики взаимодействий между административно-политическими и экономическими элитами на разных уровнях и модель формализованных отношений «с любым инвестором».

В основе первой модели (можно отнести Дагестан и Чечню) лежат два принципа – успешное подключение к федеральному финансированию и договорённости с бизнес-элитой – этническими представителями данных республик.

В рамках второй модели, реализуемой в остальных республиках Северного Кавказа, идёт попытка создания системы работы с любым инвестором, но пока в «ручном» режиме. Опыт показывает, что можно и нужно применять обе модели. При этом необходимо создавать условия для актуализации инициативы местного бизнеса, создавать для него соответствующие институциональные формы реализации инвестиционных возможностей.

В заключении хочу отметить, что процесс становления элитного слоя бизнеса в экономике Северного Кавказа протекает довольно сложно и мед-

ленно и пока далёк от своего завершения. Обновление бизнес-элиты связано с развитием новых производств, главным образом – крупных предприятий республик, и по разным причинам пока происходит слабо, хотя обнаруживаются перспективы развития этого процесса.

Наконец, на сформулированный для обсуждения вопрос: «Региональная бизнес-элита и власть на Северном Кавказе: сращивание, конкуренция или конфликт?», можно было бы коротко ответить: «Поиск новых форм взаимодействия».

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ВАРШАВСКОГО И ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТОВ?

Тадеуш Бодио

История показывает, что судьба наших университетов была переплетена и у них много общего, начиная с истоков университета в Ростове-на-Дону. Он был основан в 1915 году. Императорский Варшавский университет и его инфраструктура были эвакуированы властями России в Ростов-на-Дону. Стоит отметить, что официальное название университета было сохранено ещё в течение двух лет, затем был переименован в Варшавский университет в Ростове-на-Дону, и в последующие годы в Донской университет, Северо-Кавказский университет и др.

Я думаю, что это событие имело значительное влияние на факт, что Ростов стал одним из самых крупных университетов в европейской части России. Я также хотел бы подчеркнуть, что в текущем году Южный федеральный университет в Ростове-на-Дону отмечает 100-летие своей деятельности. Этот юбилей является ещё более красивым потому, что, благодаря своим успехам, университет получил большой авторитет и международное признание, способствуя цивилизационному прогрессу, развитию мировой науки и межкультурному диалогу. Пользуясь возможностью – от своего имени и от имени коллег – я хотел бы пожелать университету, чтобы и в последующие века замечательно развивался и успешно проводил миссию в лучших академических традициях, не знающих государственных границ, а его сотрудников поздравить с научными достижениями и пожелать им дальнейших успехов в профессиональной работе и личной жизни.

О перспективах развития сотрудничества между университетами свидетельствует их потенциал. Стоит отметить, что Варшавский университет является крупнейшим высшим учебным заведением в Польше – у него есть более чем 50 000 студентов и сотрудников, десятки научно-исследовательских и учебных подразделений, развитая сеть международного сотрудничества и хорошая инфраструктура.

Ярким примером сотрудничества между двумя университетами могут быть совместные исследования, проведенные Институтом политических наук Варшавского университета и Центром системных региональных исследований и прогнозирования Южного федерального университета. В 2011–2015 годах наши центры провели совместные исследовательские проекты, посвященные трансформации политической элиты Кавказа. Я хотел бы подчеркнуть, что в организации этих исследований особую роль сыграл профессор Виктор Черноус, который выступил в качестве соавтора и координатора со стороны наших партнеров. В работе приняли участие несколько десятков ученых из ведущих научно-исследовательских центров Польши и Кавказа. Среди них были ученые, принадлежащие к узкой группе международных лидеров в области политологических исследований Кавказа, а также молодые ученые и аспиранты. Результаты исследований были представлены в четырех коллективных монографиях, а также в различных статьях, опубликованных в престижных научных журналах международного масштаба. Стоит отметить, что уникальность этих исследований, их познавательное и практическое значение подтверждается в частности многочисленными рецензиями на книги и цитированиями в международной литературе.

Описываемые исследования совпадают со стратегией развития Института политических наук – крупнейшего и ведущего политологического центра в Польше, занимающего первое место в рейтингах в течение многих лет, и как я полагаю, также и Ростовской элитологической школы. Они показывают потенциал обоих центров, волю научного сотрудничества и готовность к диалогу в соответствии с канонами академической традиции.

С моей, польской точки зрения, дальнейшее исследовательское сотрудничество должно компенсировать дефицит знаний об истории и настоящем времени Кавказа, способствовать строительству институционально-нормативной базы и подписанию соответствующих договоров, учитывать потребности обучения (в Институте политических наук студенты обучаются в нескольких областях исследования и могут выбрать из более десяти специальностей, в том числе «евразийские исследования» со специализацией в «кавказоведении»), создать условия для обмена научными работниками и студентами. Стоит подумать о совместном проекте, посвященном проблемам элит и безопасности на Кавказе или специфике трансформации

польской политической элиты после 1989 года. В любом случае, мы уже начали переговоры о следующем этапе исследования, его концепции и реализации.

Пшемислав Серадзан

Я убежден, что понимание политических элит и на Кавказе, в первую очередь, требует понимания специфики культурного пространства во всем его многообразии. Это требует междисциплинарного сотрудничества с участием политологов, социологов, культурологов, антропологов, этнологов и лингвистов.

В контексте развития научных исследований Кавказа как культурного и политического пространства особую роль играет международное сотрудничество исследователей. Синтез различных опытов и точек зрения приносит особенно ценные результаты. Я считаю, что сотрудничество с представителями российских и кавказских исследовательских центров является ключевым аспектом, который позволит польским исследователям избежать ошибок и упрощений. Два международных проекта – «Трансформация, власть и политическая элита Кавказа» и «Северный Кавказ – исследования и вызовы» сыграли здесь особо важную роль, создавая перспективы для дальнейшего плодотворного сотрудничества.

Всем польским политологам, которые изучают политологические процессы современного Кавказа, я хотел бы посоветовать ознакомление с достижениями Ростовской элитологической школы. Исследователи из Ростова-на-Дону создали уникальную междисциплинарную методологию исследования политических элит, в том числе в национальных республиках современной России. Изучая политические процессы, социологическую структуру, коллективную психологию, внутренние противоречия и этническую идентичность правящего истеблишмента, внесли огромный вклад в развитие российской и мировой элитологии. После современного польско-российского проекта, посвященного политическим элитам современного Северного Кавказа, среди польских учёных растёт интерес к достижениям ростовских исследователей.

Анджей Вежбицки

В будущем году Варшавский университет будет отмечать 200-летие существования. Он был основан в 1816 году. Во время первой мировой войны на основании части его эвакуированного в Ростов-на-Дону преподавательского состава был основан нынешний Южный федеральный университет. Это событие создает особые условия для нашего сотрудничества, особенно в период внешнего стремления к ухудшению польско-российских отношений. Оно доказывает большие возможности для гуманитарной сферы.

На мой взгляд, соответствующий договор о сотрудничестве подписан. Для его реального воплощения в жизнь нужны договоры на уровне институтов, кафедр, исследовательских центров. Замечательной предпосылкой для дальнейшего сотрудничества является участие ростовских учёных в исследовательской программе профессора Тадеуша Бодио, который создал особенный авторский коллектив и пригласил специалистов-кавказоведов для изучения современного Кавказа с политологической перспективы. Будем надеяться, что это только начало.

Яцек Залесны

Сотрудничество между научными работниками Института политических наук Варшавского и Южного федерального университетов, несмотря на сравнительно небольшую историю, принесло значительные плоды, и безо всякого сомнения – является перспективным. Мы связываем с ним большие ожидания в будущем. Необходимо и совершенно реально расширение и углубление сотрудничества таким образом, чтобы его результатом были совместные масштабные исследовательские проекты, публикуемые не только в Российской Федерации и Польше, а доступные для читателей в других государствах. Я говорю об этом не только в контексте исследований кавказской проблематики, имеющих приоритетное значение. Так удачно складывается, что в рамках совместной с Южным федеральным университетом деятельности Институт политических наук Варшавского университета располагает двойным опытом. Помимо плодотворных трудов коллектива профессора Тадеуша Бодио, посвященных элитам и лидерству на Кавказе, мы проводим исследования конституционного права государств Восточной Европы. Мне выпала честь сотрудничать в рамках данных исследований с известными профессорами Юридического факультета Южного феде-

рального университета – Натальей Владимировной Джагарян и Андреем Викторовичем Серегиним. Результатом стал специальный номер наиболее престижного в Польше политологического периодического издания «Studia Politologiczne» («Политологические исследования») 2014, № 32 *Проблемы конституционализма и его судебной защиты в государствах Восточной Европы*, доступного также для читателей государств Восточной Европы.



Виктор Владимирович Черноус

*Кандидат политических наук, профессор ИСир ЮФУ,
зам. гл. редактора ж-ла «Гуманитарий Юга России»*

Историко-генетическая преемственность Варшавского и Южного федерального университетов предопределяет взаимное тяготение к сотрудничеству в самых разных областях науки и образования и отдельных успешных примеров тому достаточно.

Такое сотрудничество особенно важно в наше турбулентное время в сфере социально-гуманитарных дисциплин. Именно ученые-гуманитарии могут либо конструировать взаимные фобии либо создавать условия для взаимопонимания через диалог, совместный поиск научной истины, преодоление негативных стереотипов и ксенофобии.

Примером последнего подхода является проект «Политические элиты Северного Кавказа: исследования и вызовы», который был реализован международным коллективом ученых в 2013-2014 гг. Он был инициирован и успешно реализован благодаря неутомимым усилиям профессора Тадеуша Бодио. Впервые удалось объединить для разработки крупной научной проблемы ученых ведущих польских и российских научных центров, ученых из государств Южного Кавказа. Ядро коллектива составили ученые Института политических наук Варшавского университета и Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Благодаря проекту усилилось сближение, а иногда и первое знакомство двух потенциалов в изучении Кавказа – российского и польского. Не скрою, я достаточно фрагментарно представлял себе уровень и масштабность, профессионализм и креативность польского кавказоведения, его укорененность во многих университетах, в определенном смысле это стало сюрпризом.

В отличие от англо-саксонских авторов, вклад польских ученых в кавказоведение в российской науке явно до сих пор недооценивается. Теперь,

после выхода четырех крупных коллективных работ, а также ряда научных конференций в Польше с участием российских кавказоведов за последние годы, такая неосведомленность преодолена.

Очевидно, что польские и российские ученые и не только элитологи и кавказоведы взаимно заинтересованы в активизации научных коммуникаций, обмене публикациями и т.п. В этом плане перспективы сотрудничества Южного федерального и Варшавского университетов, других польских и южно-российских университетов и научных центров практически безграничны.

Реализованный польско-российский проект, который стал поводом для проведения Круглого стола, сам характер обсуждаемых вопросов свидетельствуют как о многообразии подходов к современным режимам, лидерству и элитам в регионе, так и о том, что идя разными путями, имея разные исследовательские установки ученые приходят к сходным представлениям об особенностях Кавказа, методологическим принципам исследования политического и культурного регионального процессов.

Думается, что работа над совместным проектом, концепция его, предложения Т. Бодио, позволили взаимно обогатить и польский и российский научный дискурс по проблемам Кавказа, вывести его за рамки только национальных школ, уйти от политической ангажированности и предвзятости. Проект дал реальное, а не имитационное приращение нового знания о Кавказе, развитие методологии исследования современной ситуации.

В настоящее время идет обсуждение нового проекта, инициированного вновь Т. Бодио, его концепции. Это доказывает востребованность и перспективность польско-российского научного сотрудничества, особенно Варшавского и Южного федерального университетов. Пока оно в значительной степени развивается заочно, дистанционно. Но несмотря на все современные информационные технологии, они не могут заменить очного, живого творческого общения между учеными. Предстоящие юбилеи обоих университетов должны стимулировать такие контакты, плодотворность которых не нуждается в дополнительных доказательствах.

В заключение хочется еще раз выразить признательность польским коллегам за их внимание к проблемам Юга России и за интерес к совместным с российскими учеными проектам. По кавказской традиции Южному федеральному университету предстоит также предложить тему для обмена мнениями и совместного исследования. Что состоится в ближайшее время.

ROUND TABLE – THE ELITE OF THE NORTH CAUCASUS: THE EXPERIENCE OF THE POLISH-RUSSIAN SCIENTIFIC COOPERATION

The roundtable was organized by the magazine „Humanitarians South Russia” in connection with the release of two fundamental monographs T. Bodio (ed.), *Kaukaz Północny: elity, reżimy, etnopolityka, bezpieczeństwo*, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2014 and T. Bodio (ed.), *Kaukaz Północny: elity władzy i życie polityczne*, Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2014 on the results of the Polish-Russian project.

KEY WORDS: *political elites, leadership, modernization, the North Caucasus, the Polish School of Caucasian studies, Warsaw University, Southern Federal University, scientific cooperation projects*